

DOI: 10.24412/2470-1262-2025-1-144-156

УДК (UDC) 397.4

***Elena A. Shuvaeva,
Ijevan Branch of Yerevan State University (YSU IB),
Yerevan, Armenia***

***Шуваева Елена А.,
Иджеванский филиал Ереванского государственного
университета (ЕГУ ИФ),
Ереван, Армения***

***For citation: Shuvaeva Elena A., (2025).
Molokans in the Works of Russian Writers:
Historical-Cultural and Literary Analysis.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 10, Issue I (2025), pp. 144-156 (in USA)***

Manuscript received 26/01/2025

Accepted for publication: 25/03/2025

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

MOLOKANS IN THE WORKS OF RUSSIAN WRITERS: HISTORICAL-CULTURAL AND LITERARY ANALYSIS

МОЛОКАНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Abstract:

The research is dedicated to Molokanism as one of the prominent and unusual directions of Christian theology in Russia, as well as its reflection in the works of Russian writers. Molokanism, which emerged in the late 17th century as a response to the reforms of Patriarch Nikon, remained an important element of Russian religious and social life for a long time. The article examines in detail the development of Molokanism, its persecution, and migration to various regions, including Armenia and the Caucasus, as well as the influence of this movement on Russian literature.

Special attention is given to the image of Molokans in the works of such authors as Leo Tolstoy, Nikolai Leskov, Anton Chekhov, Vladimir Korolenko, Maxim Gorky, Nikolai Tikhonov, Boris Pilnyak, Ilya Ilf and Yevgeny Petrov. Molokans are depicted as symbols of spiritual purity, inner search, and independence from external church rituals. In the works of Tolstoy and Leskov, the Molokan image often embodies the opposition to the formalism of the official church and the striving for true faith, as well as social and spiritual struggle. Later, in Soviet literature, Molokans appear as symbols of resistance and spiritual independence under ideological pressure.

Thus, the Molokan image in Russian literature reveals deep philosophical, religious, and social aspects, reflecting internal conflicts and quests for meaning characteristic of the Russian spiritual tradition. Molokans, settled in various countries, serve as prototypes of true Russians, preserving and passing on traditions and customs typical of Russian culture, despite their geographical distance from their homeland.

Keywords: Molokanism, Molokans, Russian literature, religious minorities, Leo Tolstoy, Nikolai Leskov, Anton Chekhov, Vladimir Korolenko, Maxim Gorky, Nikolai Tikhonov, Boris Pilnyak, Ilya Ilf, Yevgeny Petrov, Dukhobors, Christian theology, religious protest, Russian religious history, 19th-century literature, 20th-century literature, Soviet literature

Аннотация:

Исследование посвящено молоканству как одному из ярких и необычных направлений христианского богословия в России, а также его отражению в произведениях русских писателей. Молоканство, возникшее в конце XVII века как ответ на реформы патриарха Никона, долгое время оставалось важным элементом российской религиозной и социальной жизни. Статья подробно рассматривает развитие молоканства, его преследования и миграцию в различные регионы, включая Армению и Кавказ, а также влияние этого движения на российскую литературу.

Особое внимание уделено образу молокан в произведениях таких авторов, как Лев Толстой, Николай Лесков, Антон Чехов, Владимир Короленко, Максим Горький, Николай Тихонов, Борис Пильняк, Илья Ильф и Евгений Петров. Молокане изображены как символы духовной чистоты, внутреннего поисков и независимости от внешних церковных ритуалов. В произведениях Толстого и Лескова молоканский образ часто становится воплощением противостояния формализму официальной церкви и стремления к подлинной вере, а также социальной и духовной борьбой. В дальнейшем, в советской литературе, молокане предстают как символ сопротивления и духовной независимости в условиях идеологического давления.

Таким образом, молоканский образ в русской литературе раскрывает глубокие философские, религиозные и социальные аспекты, отражая внутренние конфликты и поиски смысла, характерные для российской духовной традиции. Молокане, расселённые в различных странах, выступают прообразом истинных русских, сохраняя и передавая традиции и обычаи, характерные для российской культуры, несмотря на их географическое удаление от родины.

Ключевые слова: молоканство, молокане, русская литература, религиозные меньшинства, Лев Толстой, Николай Лесков, Антон Чехов, Владимир Короленко, Максим Горький, Николай Тихонов, Борис Пильняк, Илья Ильф, Евгений Петров, духоборцы, христианское богословие, религиозный протест, русская религиозная история, литература XIX века, литература XX века, советская литература

Введение

Молоканство, одна из ярких и необычных форм христианского богословия в России, представляет собой важное явление в русской религиозной и социальной истории. В течение нескольких столетий молокане, как отдельная группа религиозных русских, вносили значительный вклад в культуру, а их образ часто становился частью литературного дискурса. Молоканство отличается от традиционного православия своей неприязнью к церковным символам, таким как иконы и кресты, отказом от ритуалов, связанных с ними, а также от необходимости посредничества священников для совершения церковных обрядов. В отличие от официальной церкви, молокане подчёркивают важность личной духовной связи с Богом, стремясь к внутренней чистоте и искренней молитве, освобождённой от внешнего формализма и церковной иерархии. В творчестве русских писателей молокане изображались как символ определённой духовной чистоты, иного взгляда на мир и традиционные ценности.

Молокане появились в России в конце XVII века как часть более широкого движения, которое возражало против реформ патриарха Никона и его изменений в церковных обрядах. Эти изменения, например, касались использования церковнославянского языка и внешних обрядов, что вызвало недовольство у части

народа, стремившегося к сохранению старых традиций. Молоканство, являясь своеобразным ответом на реформы, стало формой веры, отвергавшей иконопочитание, необходимость священников, а также другие церковные традиции [1].

На протяжении XVIII и XIX веков молоканство становилось всё более заметной частью российской религиозной жизни, особенно в сельской местности. Массово молокане проживали в Тамбовской и Саратовской губерниях. Молоканство, как религиозная и философская идея, получило широкое распространение в России, что способствовало возникновению лидеров этого движения. Важную роль в пропаганде учения молокан играли книгоноши, которые распространяли литературу, посвящённую молоканской вере и её доктрине. Эти книги стали важным элементом распространения и сохранения молоканской идентичности, укрепляя веру и помогая формированию религиозных общин в разных регионах России.

Молоканские общины подвергались различным преследованиям и дискриминации со стороны властей, что способствовало формированию у молокан специфической самобытности и образа жизни. А в начале XIX века, когда молоканство и духоборство охватило несколько губерний Российской империи, начались гонения и высылки — на границы империи. Так молокане оказались на юге России, в Армении, Грузии, Азербайджане.

В Армении молоканские поселения возникли примерно в 1830-х — начале 1840-х годов, когда сюда были сосланы молокане, а затем последовали добровольные переселенцы из Тамбовской губернии, а позже — из Саратовской. В наши дни сохранилось полностью молоканское село Фиолетово (старое название — Никитино), наполовину молоканское Лермонтово, также есть большие общины в Дилижане и Ереване.

Молокане в русской литературе XIX века

Одним из первых писателей, упоминающих молокан в своих трудах, был Лев Толстой. В его произведениях молоканская идея христианского служения миру и стремления к внутреннему очищению становится противопоставлением официальной церковной морали и представлений о праведности. Особенно ярко это проявляется в романе «Воскресение», где главный герой, Дмитрий Нехлюдов, сталкивается с различными религиозными и философскими вопросами, включая вопросы о смысле веры и искупления. В частности, в диалоге Нехлюдова со стариком на пароме звучат размышления о религиозной истине: *«А ты какой, дедушка, веры? — спросил немолодой уже человек, извоицк, стоявший у края парома. — Никакой веры у меня нет. Никому я не верю, кроме себе. — Да как же себе верить? — сказал Нехлюдов. — Можно ошибиться. Все себе верят, и оттого все разошлись. — Кабы себе верили, они не раскололись бы, потому дух один. А потому раскололись, что верят другим, а не себе. И я верил. И так запутался, что не чаял выбраться. И староверы, и нововеры, и поповцы, и беспоповцы, и австрияки, и молокане, и субботники, и хлысты, и скопцы. Где истина? А истина в тебе. В тебе Бог и во мне. А Бог истин один. Значит, верь своему Богу и будешь в истине и со всеми соединён»* [2].

Толстой сам был известен своими взглядами на религию, которые имели сходство с учением молокан и духоборов. Он отвергал внешнюю церковность, предпочитая внутреннюю духовную чистоту, что сближало его с молоканами как с сообществом, отрицающим формальную религиозность. В этом контексте молоканский образ в произведениях Толстого становится не только символом протестантской духовности, но и олицетворением искреннего стремления к истине и покаянию [3]. Описание забот Нехлюдова в Петербурге и его встреч с различными людьми в значительной степени опирается на реальные события, в которых непосредственно участвовал сам Лев Толстой. В частности, его переживания по поводу дела сектантов отражают личные переживания писателя о судьбе самарских молокан, которые были

лишены детей с целью предотвращения их влияния на мировоззрение подрастающего поколения. Толстой дважды обращался к Николаю II с протестами против преследования молокан в России.

В 1887 году молокане и духоборы отказались принести клятву верности императору Александру III, когда на Кавказе была введена воинская повинность. 1895-1897 годы ознаменовались массовыми протестами духовных христиан, которые отвергли военную службу и сожгли своё оружие, за что подверглись жестоким репрессиям. В ответ Лев Толстой опубликовал письмо-протест в газете «Санкт-Петербургские ведомости» 15 октября 1897 года.

Последователь Льва Толстого, публицист Павел Бирюков, отправился на Кавказ. Результатом его поездки стала статья «Гонение на христиан в России в 1895 г.», в которой он сообщил: «...*Нынешним летом мы получили с Кавказа известия о гонении, которому подверглись поселённые там так называемые сектанты духоборцы: писалось об избиении их казаками, о четырёх убитых при этом людях, об изнасиловании их женщин и о разорении целых тысячных сёл...*» [4].

На тюремной площади духоборов и молокан выстроили в ряд. Против них выступили казаки с заряженными ружьями. Сектанты попросили разрешение помолиться перед смертью, что им было предоставлено, и более того, их «помиловали» — не расстреляли, но потребовали взять в руки ружья и служить. Духовные христиане отказались. В ответ они подверглись порке и избиениям.

Их пример оказал влияние на некоторых православных, и несколько солдат в Карсе, Тифлисе, Манглисе отказались от службы, бросив оружие. На допросах духовные христиане объясняли свой отказ тем, что они хотели бы «*исполнять волю императора, а он учит людей убивать*», в то время как их душа этого не желает, потому что Спаситель запретил убивать, а духоборы исполняют волю Божию [4].

Л.Н. Толстой неоднократно встречался с предводителем общины духоборов, философом Петром Веригиным, а также с другими лидерами. В Государственном музее Толстого хранятся записи Льва Николаевича, не вошедшие в 90-томное собрание сочинений. Среди них — план, составленный писателем для неизвестного автора-духобора, который должен был описать бытие духовной общины. Судя по этим записям, Толстой планировал посвятить духоборам большое и серьёзное сочинение.

В 1897 году духоборы подали прошение императрице-вдове Марии Фёдоровне с просьбой о переселении в отдалённые регионы или даже за границу. Толстой, в свою очередь, обратился к императору Николаю II с просьбой разрешить переселение духовных христиан в другие страны.

Челобитную от духоборов удовлетворили, однако с исключением: не были отпущены те, кто находился в призывном возрасте и не выполнил воинскую повинность. Вопрос касался также получения заграничных паспортов, подписания документа «о невозвращении в Россию» и поиска средств для переселения. По расчётам Толстого, для организации переселения требовалось не менее 300 тысяч рублей. Духовные христиане, ранее жившие в достатке, разорились за годы преследований, включая судебные разбирательства, штрафы и переселения.

Толстой, который ранее отказался от гонораров за свои произведения, на этот раз принял решение предоставить свой роман «Воскресение» и повесть «Отец Сергей» для печати на выгодных условиях, чтобы собрать средства для финансирования переселения духоборов в Канаду, что было согласовано в 1898 году.

Молокане и духоборы находили в религиозных идеях Толстого отражение своих собственных традиций и мировоззрения. Толстовство оказало заметное влияние на социально-экономическую сторону учения духовных христиан, известных как «отщепенцы» от канонического православия: они переходили на постное питание, отвергали алкоголь и курение, а также склонялись к коммунальному устройству жизни.

Согласно делу № 198 Эчмиадзинского уездного полицейского управления, которое хранится в Национальном архиве Армении, с 7 января по сентябрь 1898 года проводилось пристальное наблюдение за кавказскими духоборами и молоканами. Главнначальствующий гражданской частью на Кавказе в своём донесении указывает, что последователи учения Л. Толстого составляют списки духоборов-постников. Ожидалось, что кто-то из Англии привезёт материальную помощь для переселения духоборов в Америку и займётся организацией переселения. В связи с этим Главнначальствующий приказывал установить наблюдение для недопущения прибытия «вредных поборников», а в случае обнаружения иностранцев, занимающихся подобной деятельностью, выслать их за пределы империи [5].

Ранним утром 9 декабря 1898 года из Батуми отплыл пароход «Лейк Гурон», на борту которого находилось 1240 бывших граждан Российской империи — отступников от православной церкви, а, следовательно, религиозных преступников.

Сын Толстого, Сергей Львович, также принимавший участие в организации переселения духоборов и молокан, писал: «...разместиться двум тысячам человек не так просто, и посадка продолжалась всю ночь до раннего утра. Духоборы вообще учтивы и не терпят грубости. Между духоборами ругани я не слыхал: самое плохое слово, которое я слышал, это «какой ты негодящий». Они все просты и доверчивы... так жалко, что эти хорошие люди уходят из России из-за глупости и жестокости... и так страшно, что там, куда они уедут, им будет нехорошо... Газеты были полны известиями о духоборах и разными перевранными и вымышленными историями о них и о Толстом...» [6, с. 200].

Духоборы и молокане, стоя на верхней палубе, пели свои псалмы. На берегу стояли аджарцы, грузины, русские и оставшиеся единоверцы, которые должны были покинуть империю на следующем корабле 21 декабря.

Толстой продолжал поддерживать духовных христиан, переселившихся в Канаду, и вёл с ними переписку.

В 1908 году в Армении и Грузии велось пристальное наблюдение за духоборами и молоканами с целью недопущения празднования 80-летия Льва Толстого. Его религиозно-философские труды были запрещены, а жандармерия изымала рукописные книги.

Другим писателем, выделявшимся глубокими духовными темами в своём творчестве, был Николай Лесков, который часто обращался к проблемам религиозных меньшинств, таких как молокане, духоборы и, особенно, штундисты. Лев Толстой был для него особенно близким в вопросах веры, нравственности и стремления к самоусовершенствованию. Эти писатели-современники были едины во многих аспектах, прежде всего, в страстном поиске истины, вере в неодолимую преобразующую силу добра, а также убеждении, что литература должна служить делу добра и способствовать воспитанию людей. Однако между ними существовали и разногласия. Лесков отвергал идеи «непротivления злу насилieм», осуждал отрицание Толстым роли женщины в обществе и, в отличие от Толстого, был сторонником развития науки, промышленности и технического прогресса.

Молокане, как и другие религиозные группы, не вписывавшиеся в рамки официальной государственной и церковной идеологии, являются объектом внимания Николая Лескова и исследуются с позиции индивидуальных и общественных конфликтов. В религиозной публицистике писателя молоканская секта занимает значительное место, однако его интерес к догматическим и моральным аспектам молоканского богословия не привёл к созданию художественных образов представителей этого вероучения. Вместо этого в его произведениях ярко представлены необычные персонажи старообрядцев, квакеров, штундистов и толстовцев. Несмотря на это, Лескова глубоко интересовало отражение феномена молоканства в народном сознании, что он использует для создания образов, таких как

Павлин («Павлин», 1874), Голован («Несмертельный Голован», 1880) и отрок Гиезий («Печерские антики», 1882), в которых слухи о молоканах играют значительную роль [7].

Например, образ Голована в рассказе Лескова представляет собой символ молоканина, внося в произведение элементы религиозной идентичности и социального контекста. Голован — это персонаж, глубоко связанный с молоканской верой, что особенно выражается через его личные качества, поведение и взгляды, которые противопоставляются традиционным нормам православного общества. Отрывок из рассказа: *«По мастерству своему он мог бы идти в повара или в кондитеры, но он предпочёл другое, именно молочное хозяйство, которое и начал при помощи «ермоловской коровы». Было мнение, что он избрал это потому, что сам был молокан. Может быть, это значило просто, что он всё возился с молоком, но может быть, что название это метило прямо на его веру, в которой он казался странным, как и во многих иных поступках. Очень возможно, что он на Кавказе и знал молоканов и что-нибудь от них позаимствовал»* [8].

Ещё один рассказ Лескова «Павлин» представляет собой важное произведение, в котором автор затрагивает тему молоканства, исследуя сложные взаимоотношения между религиозными меньшинствами и обществом. Через образ Павлина, одного из молокан, Лесков демонстрирует внутреннюю борьбу персонажа, который стремится к духовной чистоте и независимости, но сталкивается с предвзятым отношением и непониманием со стороны окружающих. Лесков, тщательно исследуя психологию своего персонажа, показывает, как молоканство, как форма религиозного протестантизма, сталкивается с вызовами и ограничениями, обусловленными общественными и культурными условиями того времени. Павлин становится олицетворением тех религиозных исканий, которые выходят за рамки официальной церковной доктрины, что делает его образ важным примером для понимания религиозной многообразия и конфликта в России в период социально-экономических изменений.

Обратимся к религиозной публицистике Лескова. В этом контексте известна его статья «Несколько слов по поводу записки Высокопреосвященного митрополита Арсения о духоборских и других сектах», опубликованная в газете «Гражданин» № 15-16 в апреле 1875 года. В редакционном примечании к статье отмечается, что записка киевского митрополита Арсения нуждается в «критической оценке», и, поскольку Н. Лесков, автор «Соборян», обладает глубоким знакомством с бытом российского духовенства, «редакция с удовольствием даст место его замечаниям, не стесняясь тем, что она не со всеми из них вполне согласна» [9].

Эта статья является ярким примером гражданской публицистики, выполненной с ироничным оттенком, выдержанным в жанре богословского прения: Лесков защищает свободу вероисповедания, яростно протестует против своеволия и нетерпимости властей, выражает скорбь о насильственно переселяемых русских людях — всё это под прикрытием казуистики, стилизованной в духе бюрократического церковного циркуляра, проект которого Лесков и осмеивает [9].

Писатель утверждает, что причины уклонения молокан и духоборов от православия многогранны и различны. Он критикует обобщения митрополита Арсения, который утверждает, что все сектанты имеют одни и те же пороки, такие как честолюбие и своекорыстие. Лесков подчёркивает, что сектанты, напротив, являются критиками и искателями более чистого религиозного пути, а не слепыми последователями.

Лесков осуждает решение о переселении молокан и духоборов в отдалённые районы, изоляции их от православных. Он считает эти меры крайними и несправедливыми, утверждая, что они лишают этих людей не только свободы вероисповедания, но и права на нормальное существование в обществе. Выселение

сектантов и запрещение им заниматься торговлей и общественной деятельностью воспринимаются писателем как попытка разорить их и сделать невозможным их дальнейшее существование в российском обществе.

Лесков выражает беспокойство тем, что митрополит Арсений предлагает усилить духовный контроль за сектантами до уровня полицейского. Он видит в этом угрозу для всех, кто в будущем окажется под влиянием церкви, превратившейся в репрессивный орган. Он также критикует идею «окладов» для духовенства, утверждая, что независимость священников от прихожан является угрозой для их искренности и заботы о духовных нуждах людей.

По мнению Лескова, необходимо обеспечить духовным христианам возможность свободно исповедовать свою веру без страха преследования, что является фундаментальным правом.

Ещё одним значимым произведением Лескова, в котором затрагивается тема молокан, является его рассказ «На молоканской молитве» (1877). В этом произведении молокане изображены как религиозная группа, которая, несмотря на преследования и неприятие со стороны официальной церкви, сохраняет свою духовную независимость и силу веры.

Он описывает молокан как людей, живущих в простой, скромной вере, освобождённой от церковных обрядов и внешнего формализма. Молоканская молитва изображена как искреннее и глубокое общение с Богом, происходящее в тихом и уединённом кругу. Этот образ молокан контрастирует с официальным православием, которое для Лескова часто представляется церковной институцией, сосредоточенной на внешней ритуалистике.

Лесков подчёркивает, что молоканская вера не требует внешних символов религиозной власти, таких как иконы или церковные служители. Вместо этого молокане сосредоточены на чистоте своей веры и прямом общении с Богом, что для писателя является более истинным и настоящим проявлением религиозной жизни.

Одним из наиболее ярких примеров изображения молокан в творчестве Антона Чехова является его повесть «Степь» (1888). В этом произведении молоканин появляется как персонаж, воплощающий все особенности своего религиозного и социального положения. Молокане изображены как люди, чьи религиозные убеждения отличны от ортодоксального православия, что приводит к их отчуждённости от остальной части общества. Образ молоканина в «Степи» представляет собой символ культурной и социальной замкнутости, а также отказа от интеграции в более широкую культурную среду. Этот персонаж является своего рода «вне системным» элементом, находящимся на периферии социальных и культурных процессов, что символизирует устойчивое напряжение между традиционными ценностями и процессами модернизации, характерными для того времени.

Образы молокан и духоборов можно встретить в творчестве Владимира Короленко, активно интересовавшегося вопросами прав человека и религиозной свободы. Он часто обращался к судьбе угнетённых и малоизвестных слоёв населения, в том числе к молоканам и духоборам. Одним из наиболее известных произведений Короленко, где подробно затронут вопрос молокан и духоборов, является повесть «Без языка» о жизни эмигрантов в Америке, написанный им после поездки в эту страну в 1893 году. Короленко отмечает: «...в последние годы корабль за кораблём привозит множество наших: поляков, духоборов, евреев. Они расходятся отсюда по всему побережью, пробуют пахать землю в колониях, нанимаются в приказчики, работают на фабриках» [10].

В одном из эпизодов, приводя разговор о сектах, включая последователей учения Льва Толстого, Короленко акцентирует внимание на поисках личного смысла и идеалов, которые ведут к разрыву с традиционными общественными и религиозными устоями.

Как говорилось выше, секта Толстого, так называемые «толстовцы», как и молокане и духоборы, представляют собой примеры религиозных и философских движений, возникших как реакция на православную церковь и стремление к созданию собственной системы духовных и социальных ценностей. Сектанты, в том числе последователи Толстого, стремятся к внутреннему очищению и возвышению, отвергая внешние атрибуты власти и социальной иерархии. В частности, секта Толстого акцентирует внимание на личной моральной ответственности, отказе от насилия, социальной и религиозной свободы, что пересекается с идеалами молокан и духоборов, ориентированных на свободу от внешнего контроля, включая церковные каноны и традиционные религиозные структуры.

Таким образом, через упоминание «толстовцев» и их связи с молоканами и духоборами Короленко затрагивает тему религиозных поисков и утрату традиционных ориентиров в условиях трансформации общества. Эти группы, несмотря на различия в учениях, объединены стремлением к внутреннему очищению и независимости от внешнего давления. В контексте рассказа это служит метафорой более широкого процесса поиска смысла и самоопределения в условиях личной и социальной нестабильности, что подчеркивает связь между духовной свободой и внешней социальной адаптацией.

Короленко, несмотря на критику православной церкви, не отрицает ценность духовных поисков, и молокане, как герои его произведений, олицетворяют стремление к личной, внутренней вере, свободной от внешнего воздействия и институциональных ограничений. Этот акцент на личной духовной свободе и праве на собственную веру становится центральной темой в творчестве писателя.

Молоканский образ в советской литературе

В советский период молоканский образ претерпел значительные изменения. Под влиянием революционных процессов и атеистической пропаганды молокане, как и многие другие религиозные группы, становятся объектами идеологической борьбы. В литературе они стали фигурировать как символ «старых» традиций и людей, живущих по устаревшим законам. Однако несмотря на давление идеологии, образ молокан продолжает присутствовать в произведениях, касающихся религиозных и философских тем.

Примечателен факт, что ещё до создания Союза советских писателей в Армению приезжали писатели с целью исследовать процессы социалистической индустриализации, а также условия жизни народов региона, что находило отражение в их публицистических и прозаических произведениях. В частности, в июле 1928 года в Армению направляется Максим Горький. Его маршрут пролегал из Тбилиси в Ереван через Дилижанскую долину и озеро Севан, где проживают молокане, расселённые вдоль магистралей, железной дороги и озера — важнейших стратегических объектов и направлений. В своих наблюдениях Горький особое внимание уделяет образу русской деревни, расположенной на берегу озера, и описывает население. *«На берегу озера большая русская деревня, в ней живут крупные, дородные бабы, большие, бородатые мужики, хорошо упитанные русоволосые дети. Очень здоровый народ, но глаза большинства — странно прозрачные и сонные, такие глаза я замечал у пастухов в горах Швейцарии, и мне подумалось, что это — глаза людей, живущих вне времени, вне действительности»* [11, с. 5]. Эти строки, написанные с характерной для Горького точностью, отражают не только физическое состояние молокан, но и более глубокие культурные и философские наблюдения автора о человеке и его отношении к времени и истории.

На обратном пути, когда писатель едет через деревни молокан-прыгунов, такие как Никитино (Фиолетово) и Лермонтово, завязывается разговор о вере, который служит основой для более глубокого философского анализа. Горький подмечает: *«Странное впечатление вызывают эти большие зажиточные селения без церквей и эти крупные бородатые люди...»* [11, с. 9]. В ходе беседы он отмечает, что молокане считают себя истинными хранителями «истинной веры», что, по словам одного из них, уходит корнями ещё в библейскую эпоху. Горький вспоминает свой разговор с молоканином Захарием в

1903 году, когда тот «снисходительно внушал В.М. Васнецову, доктору Алексину» и самому Горькому, что молоканская вера — «древнейшая, она ещё от царя Давида, помните, как он “скакаше играя” пред ковчегом-то завета? Во-он она откуда...» [11, с. 9]. Эта сцена беседы с «прыгунами» была написана Горьким для «Нижегородского листка», однако цензура посчитала её «скрытой проповедью церковной ереси» и не допустила к публикации.

Очерк, который в итоге стал частью серии «По Союзу Советов», получил название «В долине Дилижана». Важно отметить, что Горький в данном произведении не только фиксирует особенности молоканской религиозности, но и затрагивает вопросы культурной изоляции и национальной самобытности, которые становились важной темой в советской литературе.

Это взаимодействие с молоканами и их верой также проливает свет на более широкие идеи Горького, связанные с концепцией «богостроительства». Горький, будучи приверженцем социалистической идеологии, одновременно стремился к глубокому осмыслению роли религии и духовности в жизни человека и общества. В некоторых своих произведениях он высказывал мысли о необходимости «строительства» нового человечества, основанного на рациональном и моральном преобразовании общества, что было сопряжено с его идеей о духовном и моральном прогрессе. Его идеи богостроительства как бы синтезировали социалистические стремления к преобразованию мира с исканием более глубокой духовной основы для этих преобразований. В разговоре с молоканами Горький обнаруживает интерес к глубинным духовным поискам, которые, на его взгляд, являются отражением той же самой борьбы за социальную и моральную правду. Однако этот поиск сталкивается с противоречиями времени: религиозные верования молокан, оторванные от официальных канонов, трактуются как ересь, а сам процесс духовного поиска подвергается жесткой цензуре. Это отражает основные противоречия социальной и религиозной жизни в Советской России, где авторитаризм государства вступал в конфликт с личной духовной свободой и стремлением к нравственному возрождению.

Этот случай иллюстрирует сложную роль литературы в советской политике того времени, когда произведения, обращавшиеся к вопросам веры и идентичности, могли быть подвергнуты жесткой цензуре. Наряду с этим, через свои наблюдения и размышления Горький демонстрирует стремление к глубокому осмыслению социальной и культурной реальности, раскрывая напряжённость между личной свободой и жестким контролем со стороны властей, а также пытаясь осмыслить свою концепцию богостроительства, которая подразумевала синтез духовного возрождения и социального прогресса.

В 1929 году писатель Николай Тихонов посетил Армению, путешествуя по Кавказу. Впечатления от этой поездки нашли отражение в его путевом очерке «Дни открытий», который был включён в книгу «Двойная радуга» (1964). Одним из ярких эпизодов произведения является описание молокан, проживающих в деревне Шорджалу-Надеждино на берегу озера Севан, куда они были переселены ещё при Николае I. В своём очерке Тихонов подробно описывает этот посёлок, образы молокан и их уникальные традиции, включая культ священной пляски. «По улицам селения, круто спускавшегося к озеру, выставлялись десятки самоваров всех размеров, их надраивали кирпичом мальчишки и девчонки», — пишет автор, подчёркивая примечательные детали быта, которые характеризуют жизнь этой общины [11, с. 16].

В процессе общения с местными жителями Тихонов вводит в текст разговор с хозяйкой дома, Авдотьей Ионовной, которая проявляет интерес к жизни писателя и его спутника. Авдотья не понимает, как можно жить в квартире многоквартирного дома и сочувствует: «Поняла... Только как же это ты так? Всю жизнь по чужим людям маешься!» [11, с. 17]. Эта сцена иллюстрирует не только различие культур и мировоззрений, но и представления о жизни, характерные для молокан, которые

традиционно связаны с общинным образом жизни, в отличие от городской, индивидуалистической жизни Тихонова.

Муж Авдотьи, Моисей Иванович, мрачный и серьёзный человек, обращает внимание на то, что Тихонов и его спутник курят, что становится поводом для их диалога. Он замечает: «*Курите, дружки? Ну, курите, курите! Грех в этом небольшой*», а затем рассказывает, что и сам иногда курит, но в присутствии других людей этого не делает, поскольку «*прыгуны — народ строгий, хотя от табаку польза есть*», приводя интересное объяснение: «*змеи не тронут... змея запаха табачного не переносит, слышать не может*» [11, с. 17]. Этот эпизод подчёркивает традиционную прирученность молокан к природным особенностям и их мировоззрение, которое соединяет религиозные и практические убеждения.

В разговоре с Тихоновым Моисей Иванович рассказывает также о социальных нормах среди молокан. Он упоминает, что в их общине существует строгий порядок, включая наказания за нарушение традиций. Так, два мужика, отказавшиеся от молоканского ритуала «прыганья», были исключены из общины, и теперь «*замуж за них никто девку не отдаёт... холостые живут, холостыми и помирать будут*» [11, с. 18]. Это является примером того, как молоканская община поддерживает свою целостность и строго следит за соблюдением общих норм и традиций.

Эти эпизоды в произведении Тихонова помогают глубже понять внутреннюю жизнь молокан и их уникальные взгляды на мир, веру и традиции. Через диалоги с персонажами, такие как Авдотья Ионовна и Моисей Иванович, раскрывается философия жизни молокан, их отношения к религиозным и бытовым практикам, а также их отдалённость от официальных церковных канонов.

В своих путевых очерках по Армении несколько русских писателей обращаются к теме молокан, демонстрируя интерес к этой религиозной группе, её жизни и традициям. Андрей Белый в своём очерке «Армения» (1928) отмечает, что «*Армения является местом ссылки и эмиграции религиозных сект как с севера, так и с юга*» [11, с. 161], подчёркивая роль Армении как важного региона для переселения молокан и других религиозных меньшинств. Это свидетельствует о широком распространении молоканских общин в Армении, а также о их социальной и культурной адаптации в новых условиях.

В очерке Ивана Катаева «Отечество», впервые опубликованном в журнале «Наши достижения» в 1934 году под названием «Голубой Севан», автор описывает, как молоканки участвуют в строительстве в селе Еленовка (сейчас — город Севан), подчёркивая их трудолюбие и работоспособность. Этот момент отражает важность молокан в социально-экономической жизни региона и их активное участие в трудовой деятельности, что также характеризует их способность к адаптации и самоорганизации в условиях эмиграции.

Василий Гроссман в своём очерке «Добро вам», опубликованном в армянской газете «Гракан терт» в 1965 году, изображает русскую девушку Катю из Запорожья, которая вышла замуж за молоканина из Цахкадзора. Катя с удивлением отмечает особенности молоканской свадьбы, где вместо вина пьют чай, а молоканские обряды вызывают у неё недоумение. «*Она с достоинством сказала: «Наши цахкадзорские молокане не прыгают»*» [11, с. 290]. Этот эпизод акцентирует внимание на том, как внешние культурные различия и традиции молокан оказываются важными для восприятия окружающим миром, а также подчёркивает стремление молокан к сохранению своей уникальной религиозной идентичности и отступлению от обычаев более широких социальных групп.

Таким образом, в работах этих авторов молокане изображены как часть богатого культурного и религиозного разнообразия Армении, и их образ играет важную роль в создании многогранной картины жизни этого региона в контексте религиозной и социальной интеграции.

Особо следует отметить роман Бориса Пильняка «О'Кэй (Американский роман)», в котором представлено подробное описание уклада жизни молоканской общины в Лос-Анджелесе. Пильняк посетил Америку в 1931 году по приглашению издательства «Космополит», которое заинтересовалось возможностью публикации романа «Волга впадает в Каспийское море». В ходе своей поездки писатель выразил желание познакомиться с молоканами, живущими в США, и исследовать их религиозные обычаи. Как он сам пишет в своём произведении: «...размышлял о том, что — надо ж было отмахать пол-земного шара, чтобы вот повидаться с соотечественниками и повидать прыгунство! ...и прыгунов я хотел повидать не только потому, что они русские, но и потому, что они — американцы» [12, сс. 487-488]. Эти слова подчёркивают особый интерес Пильняка к молоканской общине и её особенностям в контексте культурных и религиозных преобразований на новом месте.

Во время своего пребывания в Лос-Анджелесе Пильняк знакомится с важнейшей для молокан книгой — «Сионский песенник столетнего периода Христианской Религии Молокан Духовных Прыгунов в Америке. Первое издание в Лос-Анджелесе 1930 года». В этой книге описываются особенности молоканских песнопений, которые, по мнению писателя, играют важную роль в религиозной практике общины. Пильняк приводит описание содержания песен, отмечая, что они делятся на «унывные, торжественные и средние». Он подчёркивает, что «когда в собрании плачут, молятся, благодарят, славят своего господя, песнопения с прославлением святых, крайняя степень восторженного возбуждения, доходящая до исступления, до самозабвения, вызывает духовный пляс» [12, с. 487]. Это наблюдение важно для понимания специфической религиозной практики молокан, в которой важную роль играет эмоциональное и физическое вовлечение верующих в процесс поклонения.

Одним из ярких моментов пребывания Пильняка среди молокан стало его посещение молоканского собрания, которое он описывает с большим вниманием к деталям. «Слева в углу стоял стол, покрытый белой скатертью, на нем лежала Библия. И мужчины, и женщины были в белом. Волосы женщин были повязаны белыми платочками. Мужчины были очень бородаты. Бородное зрелище в нынешней Америке дело чудное... За столом, за скатертью сидели старейшины — плотноплечие старичицы — и вели духовную беседу, обращаясь с вопросами и за словом к председательствующему», — пишет Пильняк, подчёркивая уникальность молоканской общины в Америке [12, с. 488]. Эти наблюдения позволяют исследовать, как молокане сохраняют свою религиозную идентичность, несмотря на их миграцию в новую культурную среду, а также свидетельствуют о своём стремлении сохранить традиции и обряды в изменённых обстоятельствах.

В «Американском романе» (опубликован в 1933 г.) Пильняка образ молокан предстаёт как символ переселенцев, сохранивших верность своим религиозным традициям и культуре, несмотря на тяжёлые условия жизни в Америке. Это изображение молокан в контексте их адаптации к новой действительности подчёркивает их духовную стойкость и стремление сохранить свою идентичность в условиях культурной и социальной трансформации.

Тему американских молокан продолжает развивать писательский дуэт Ильи Ильфа и Евгения Петрова в их путевом очерке «Одноэтажная Америка». Осенью 1935 года Ильф и Петров были командированы в Соединённые Штаты Америки, где они провели несколько месяцев в качестве корреспондентов газеты «Правда». В своём произведении, наряду с другими аспектами американской жизни, они подробно описывают образы молокан, обосновавшихся в Сан-Франциско.

В ходе их путешествия писатели посетили места, где молоканские общины продолжали сохранять свои традиции и обычаи, несмотря на расстояние и культурные различия. В «Одноэтажной Америке» (издана в 1937 году) Ильф и Петров не только фиксируют внешний быт и повседневную жизнь молокан, но и представляют их в

контексте религиозной изоляции и попыток сохранения духовной независимости. Писатели отмечают, что, несмотря на своеобразие молоканской религиозной практики, их стремление к вере и духовному очищению остаётся неизменным.

Район, где живут молокане, называют Русской горкой. Вот как Ильф и Петров описывают историю переселения молокан и их жизнь в американских реалиях: *«Когда-то, давным-давно, молокане жили на Волге. Их притесняло царское правительство, подсылало к ним попов и миссионеров. Молокане поддавались. Тогда их переселили на Кавказ, куда-то в район Карса. Они и там, в новых местах, принялись делать то, что делали веками, — сеять хлеб. Но жить становилось всё труднее, преследования делались ожесточеннее... Куда ехать? Люди едут в Америку. Поехали в Америку и они — пятьсот семей. Было это в тысяча девятьсот втором году... В Америке молокане хотели по-прежнему заниматься хлебопашеством, но на покупку земли не было денег. И они пошли работать в порт. С тех пор сан-франциские молокане — грузчики. В городе молокане поселились отдельно на горке, постепенно настроили домики, выстроили небольшую молельню, которую торжественно называют «Молокан-черч», устроили русскую школу, и горка стала называться «Русской горкой» [13, сс. 290-291].*

Писатели также рассказывают, что, несмотря на то, что жизнь раскидала молокан по всему миру, они сохраняют свою общность. Американские молокане поддерживают связь с молоканами в СССР, и в письмах обсуждают такие важные вопросы, как вступление в колхоз или отказ от этого шага, продолжая поддерживать родственные, духовные и культурные связи, несмотря на географическое разделение.

Заключение

Образ молокан в творчестве русских писателей представляет собой многогранное явление, отражающее не только религиозные аспекты жизни, но и более глубокие философские, социальные и культурные преобразования, происходившие в России. Впервые молоканские общины были упомянуты в произведениях таких писателей, как Лев Толстой, Николай Лесков и Антон Чехов, что служит важным свидетельством их значимости в российской литературной традиции. В дальнейшем молоканский образ продолжает развиваться в советской литературе, особенно в произведениях авторов, побывавших в Армении, где молоканские общины жили в условиях локальной изоляции, а также в творчестве писателей, совершивших поездки в Соединённые Штаты Америки, где они ознакомились с бытом молокан-переселенцев. Это особенно актуально в контексте произведений Бориса Пильняка («О'кэй») и Ильи Ильфа и Евгения Петрова, которые в своём путевом очерке «Одноэтажная Америка» детально описывают жизнь молокан в Америке.

Образ молокан в этих произведениях выходит за пределы простых этнографических наблюдений или религиозных практик. Он становится символом духовного поиска и социальной независимости, раскрывая при этом сложные процессы, происходившие в российском обществе. Взгляды на молокан варьируются от восхищения их стремлением к искренней вере и духовному очищению до критики их противостояния официальной церковной власти. Важным аспектом является также сохранение молоканами своих традиций в условиях иммиграции и географической изоляции, что превращает их в символы стойкости и подлинной русской духовности.

Особенно следует отметить, что, несмотря на физическое удаление от исторической родины — России, молоканские общины сохраняют свою уникальную идентичность и традиции. Это подчёркивает значимость молокан как культурного и религиозного феномена, не только для России, но и для более широкого контекста, включая их роль в сохранении старых русских обычаев и образа жизни в новых условиях. Таким образом, молокане, оказавшиеся вдали от своей родины, продолжают сохранять связь с её духовной и культурной традицией, представляя собой живое воплощение российской религиозной

культуры. Образ молокан в литературе и их реальные жизненные примеры становятся важным элементом для осознания глубины российской духовности и её места в мировом контексте.

References:

1. Shuvaeva E.A. Armenian Molokans: A Contemporary Ethnographic Portrait. [electronic resource]. — 2023. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/armyanskie-molokane-sovremennyy-etnograficheskiy-portret> // Date of access: 20.02.2025.
2. Tolstoy L.N. Complete Works. Volume 33. Resurrection. Draft Editions and Variants. — Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1985. — 696 p. — [electronic resource]. URL: <https://tolstoy.ru/online/90/33> // Date of access: 20.02.2025.
3. Shuvaeva-Petrosyan E.A. L.N. Tolstoy: Religious-Philosophical Teachings and Doukhobors. [electronic resource]. — 2022. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/l-n-tolstoy-religiozno-filosofskoe-uchenie-i-duhobory/viewer> // Date of access: 20.02.2025.
4. Tolstoy L.N., Biryukov P.I. Persecution of Christians in Russia in 1895 [electronic resource] /URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_1570.shtml / Date of access: 20.02.2025.
5. Case № 198 of the Echmiadzin District Police Department. National Archive of Armenia. Date of access: 10.12.2021.
6. Tolstoy S.L. Essays of the past. — Tula: Priokskoye book publishing house, 1975. — 472 p. + 16 pages insert.
7. Ilyina T. V. Molokanism in the Works of N. S. Leskov. [electronic resource]. — 2010. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molokanstvo-v-tvorchestve-n-s-leskova/viewer> // Date of access: 25.02.2025.
8. Leskov N. S. Complete Works in 11 Volumes. — Moscow: State Publishing House of Artistic Literature, 1956. — Vol. 6. Quotation from: Leskov N. S. The Immortal Golovan: From the Stories of Three Righteous Men. [electronic resource]. — URL: <https://www.litres.ru/book/nikolay-leskov/nesmertelnyy-golovan-174929/chitat-onlayn///> Date of access: 25.02.2025.
9. Leskov. N.S. A Few Words... on the Doukhobor and Other Sects. [electronic resource]. — 2005. — URL: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_0116.shtml // Date of access: 25.02.2025.
10. Korolenko. V.G. Without a Language. [electronic resource]. — 2012. — URL: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_0050.shtml // Date of access: 25.02.2025.
11. The collection "Through the Eyes of Friends." Compiled by R. Avakyan. — Yerevan: Ayastan, 1967. — 440 pages.
12. Pilnyak B. A. Selected Works. — Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1976. — 702 pages.
13. Ilf I., Petrov E. One-Story America: Travel Sketches. — St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2023. — 416 pages.

Information about the Author:

Elena A. Shuvaeva (Armenia, Russia) - Postgraduate student of the Institute of Oriental Studies, RAU, lecturer at YSU Ijevan branch. Member of the Writers Union of Armenia and the Writers Union of Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-7759-7306>

<https://www.researchgate.net/profile/Elena-Suvaeva>

E-mail: lena478@mail.ru

Acknowledgments: I would like to thank my reviewers. Special thanks to Professor Simona Koryčánková, Masaryk University, Brno, Czech Republic.

Author's contribution: The work is solely that of the author.